

Фу-цзя в одночасье пал, и скорость, с которой это произошло, поражала воображение.

В столице только и разговоров было, что об этом: одни судачили, мол, он прогневал императора, другие уверяли, что он совершил страшное преступление. В конце концов, представители Далисы выступили с официальным заявлением, огласив список его вины.

Разумеется, Фу Цилинь обо всём этом не знал. Он сидел в тюремной камере, а его тело покрывали кровавые следы от кнута.

— Это ложные обвинения! — Фу Цилинь, сжимая зубы, впился взглядом в стоявшего перед ним Чэнь Чу. — В остальном я могу признаться, но я точно не вступал в сговор с тибетцами!

— Фу Цилинь, хватит упорствовать. Его Величество лично нашёл в твоём кабинете несколько писем от тибетцев.

Фу Цилинь холодно усмехнулся:

— Кто станет хранить письма, если действительно пошёл на сговор?

— Значит, ты признаёшь, что сжёг переписку?

— Ты! — Фу Цилинь пришёл в ярость. — Чэнь Чу! Ты должен помнить: если бы не я, разве занимал бы ты сейчас такое положение? Неужели тебе плевать, как погиб твой сын?

— Разве не из-за тебя он погиб?! — Чэнь Чу с грохотом ударил по столу.

— Ха... ха-ха, ну конечно, я всё понял. Это ведь ты, да? — Глаза Фу Цилиня налились кровью, он понял, что его песенка спета. — Какой же ты жестокий. Жизнь родного сына пустил под нож, чтобы проложить путь собственной карьере. Вы с императором всё заранее обговорили, с самого начала хотели меня уничтожить. Чэнь Чу, о Чэнь Чу, я столько лет служил Его Величеству, и меня выбросили как ненужную вещь. Неужели ты думаешь, что тебя ждёт иная участь? Не надейся, что, погубив меня, ты сможешь взобраться на вершину!

...

Выйдя из допросной, Чэнь Чу пребывал в смятении. Исходя из имеющихся улик, он прекрасно понимал, что Фу Цилинь невиновен и смерть его сына никак с ним не связана.

Однако император приказал ему закрыть дело, и он не посмел возразить. Или, вернее сказать, он был напуган.

Он боялся, что за всем этим стоит сам император, а Чэнь Ли был лишь пешкой в его большой игре.

Убил ли Фу Цилинь Чэнь Ли и был ли в сговоре с тибетцами — в глазах императора это не имело никакого значения. Важно было лишь то, что император хотел его смерти.

Если даже такого человека, как Фу Цилинь, ждала подобная участь, то что будет с ним?

Чэнь Чу не смел продолжать мысли. Он чувствовал себя рыбой на разделочной доске, от которой уже не сбежать.

Сы Цзинчжоу последние дни был занят по горло.

Он разбирал улики, проводил допросы. Всех чиновников, связанных с Фу Цилинем, арестовали, и только тогда люди осознали, насколько крепко император держит их в своих руках.

В этом деле Сы Цзинчжоу также понял: правды о смерти Чэнь Ли уже не узнать, ведь даже его собственный отец, Чэнь Чу, не желает докапываться до истины.

На душе стало холодно. Он перестал понимать, ради чего всё это.

Он помнил, как при поступлении на службу отец спросил его о взглядах на управление страной, и он ответил, что хочет построить справедливое и равноправное государство.

Путь к процветанию страны лежит через равенство и справедливость. Равенство — это основа долгого спокойствия государства и залог того, что народ отдаст ему свои сердца. Народ — это корень страны, а когда корень крепок, в стране царит мир. Если государственные указы справедливы, а правосудие беспристрастно, то люди спокойны и каждый найдёт своё место. Когда у народа нет обид, общество стабильно, а страна в безопасности. И наоборот, если царит несправедливость, сердца людей придут в смятение, общество пошатнётся, и государство перестанет быть государством.

Отец тогда лишь улыбнулся и сказал, что он слишком идеалистичен.

Он не поверил и хотел доказать обратное.

Три года на службе, и его совесть была чиста: он добивался справедливости в каждом деле. Но старший брат говорил, что это лишь потому, что род Сы слишком влиятелен, и только поэтому он может позволить себе действовать по совести.

Теперь казалось, что брат был прав.

Против лома нет приёма, и ему не одолеть императора. А значит, правда лишь в том, что сказал император.

Похоже, состояние Сы Цзинчжоу в последнее время вызывало беспокойство.

Однажды, когда он вернулся домой, его окликнул Сы Чжэнфэн.

— Ты в последнее время совсем не похож на себя. Это из-за дела Фу Цилиня?

Сы Чжэнфэн, прослужив много лет, слишком хорошо понимал все подковёрные игры, и потому изначально не хотел, чтобы сын лез в эту мутную воду. Слишком уж он был идеалистичен для этого мира, где царят интриги и борьба за власть. Он мечтал, чтобы сын прожил жизнь свободным и беззаботным господином.

Изначально он позволил Сы Цзинчжоу пойти на экзамены, полагая, что его необычные взгляды быстро приведут к провалу, но по какой-то нелепой случайности тот взял и стал чиновником.

Сы Чжэнфэн вздохнул. Он знал, что этот день настанет.

— Отец изначально не одобрял моё поступление на службу, — Сы Цзинчжоу опустил глаза, выражение его лица было нечитаемым.

— И теперь ты отступишь?

— ...

Видя, что сын молчит, опустив голову, он продолжил:

— Идеалы и реальность всегда разнятся. Служить императору — всё равно что жить рядом с тигром, в чиновничьем мире всё не так просто. Важно лишь одно... — Сы Чжэнфэн тяжело вздохнул. — Не потеряй самого себя.

— Но даже если я сохраню себя, что это изменит?

Сы Чжэнфэн замолчал. Он знал, что должен подбодрить сына, сказать, что всё наладится, но разве это не было бы строительством воздушных замков?

Сы Чжэнфэн не мог этого произнести. А-Цзин рано или поздно должен был столкнуться с реальностью.

В комнате воцарилась мёртвая тишина, было слышно даже дыхание. Наконец Сы Цзинчжоу медленно проговорил:

— Отец, я пойду.

Поместье Пэй.

Пэй Цзи приказал слугам поставить в беседке на заднем дворе маленькую жаровню с красной глиной. Несколько человек сидели вокруг неё, и всё казалось мирным.

Но так считал только Пэй Цзи.

Холодный ветер пробирал до костей, и маленькая жаровня совсем не грела. Хунцзао дрожала от холода и пролепетала:

— Го... господин... зачем же пить чай в беседке, продуваемой всеми ветрами?

Хунцзао плотнее закуталась в одежду. Гоуци не дрожала, так как успела сбегать в комнату и надеть ещё несколько слоёв. Что до Доубао, то он занимался боевыми искусствами и был более закалённым.

— Ты просто слишком легко одета, а мне не холодно, — Пэй Цзи лениво лежал на кушетке, обнимая белого котёнка по имени Сяо Чжоу-Чжоу.

Хунцзао бросила взгляд на два одеяла, которыми был укрыт Пэй Цзи, и беспомощно вздохнула.

Конечно, ведь вы даже одеяла с собой притащили.

Она сделала несколько глотков чая, чтобы согреться, и, вспомнив недавние события, спросила:

— Господин, у меня есть вопрос.

— Какой? — Пэй Цзи медленно прикрыл глаза, позволяя ночному ветру обдывать лицо. Это помогало ей сохранять ясность ума и планировать следующие шаги.

Хунцзао продолжила:

— На самом деле, вы могли бы просто использовать Байли, чтобы расправиться с молодым господином Чэнем. Зачем было выбирать другой путь?

Пэй Цзи открыла глаза. В них светилась улыбка, словно она что-то вспоминала.

— Ты знаешь, как делается это снадобье?

Хунцзао покачала головой, остальные тоже с любопытством прислушались.

— Из человеческого сердца, — добавила она. — Причём обязательно свежего.

Хунцзао вздрогнула, и её тело, только начавшее согреваться, снова охватил холод.

Пэй Цзи продолжила:

— Байли — тайное снадобье тибетцев, его крайне сложно изготовить, да и ингредиенты достать непросто. То небольшое, что я дала Чэнь Ли, я когда-то стащила у князя Сяо, так что от этого он бы не умер. Впрочем, хоть это и хлопотно, но вышло неплохо. Обязательно найдутся люди, которые поймут, что всё было не так. Хм... как это называется?

— Кризис доверия между государем и подданным, — вдруг раздался голос из-за спины.

Котёнок Сяо Чжоу-Чжоу испуганно подпрыгнул, выскользнул из рук Пэй Цзи и, издав жалобное мяуканье, приземлился на землю, воинственно выгнув пушистый хвост.

— Ты напугала моего котёнка, — обернувшись, пожаловалась Пэй Цзи.

Незваная гостья подошла, ступая по лунному свету. На ней была маска и облегающий чёрный костюм, подчёркивающий фигуру, а длинные волосы были высоко собраны лентой и развевались на ветру.

— ...

В любом случае, выглядела она как воровка.

— Прошу прощения, — Цзян Ханьчжу, ничуть не извиняясь, плюхнулась на кушетку.

Пэй Цзи окинула её взглядом.

Они встретились, когда Пэй Цзи направлялась в столицу на экзамены. Цзян Ханьчжу была танцовщицей в борделе — красивая, с изящным телом, её держали в клетке из золотых нитей, выставляя на торги для богатых сановников.

Пэй Цзи хотела пройти мимо. Она сама не знала, как устроить свою жизнь, куда уж ей помогать другим.

Но как только она собралась уйти, женщина в клетке вдруг жутко расхохоталась, голыми руками согнула золотые прутья и выбралась наружу. В тот момент она была похожа на птицу, расправившую крылья и летящую к свободе.

Она побежала прямо к ней. Мало того, что побежала, так ещё и потащила за собой, а потом без всяких причин заявила, что хочет помочь.

Тогда Пэй Цзи поняла: та золотая клетка была не для красоты, а чтобы запереть эту сумасшедшую.

Впрочем, возможно, потому что Пэй Цзи сама была не в себе, после того как они оторвались от погони, они странным образом спелись и с тех пор не расставались.

— Зачем пришла?

— Напомнить, что пора написать письмо князю Сяо. Хорошенько подумай, что сказать, чтобы он не заподозрил неладное.

Пэй Цзи слабо улыбнулась:

— Пока ты присматриваешь за своей собакой, можешь не волноваться, что он заподозрит меня.

— Впрочем... — она сменила тему, — ты ведь пришла не только ради этого?

Глаза Цзян Ханьчжу блеснули хитринкой, она прищурилась и улыбнулась:

— Принесла хорошие новости.

— Какие?

— Я нашла того ребёнка.

Поместье князя Сяо.

В курильнице вился сизый дым, наполняя комнату теплом. По сравнению с пронизывающим ветром снаружи, в спальне было жарко.

— М-м...

— М-м... ха...

— А... князь... князь... а!

Дыхание постепенно затихло. Полог кровати отёрнули, мужчина в нижнем халате спустился на пол. Позади него на кровати лежала обнажённая женщина с раскрасневшимся лицом.

— Цин-няо! — позвал он.

Едва слова сорвались с губ, дверь открылась, вошла служанка, а следом за ней — ещё несколько с водой и полотенцами.

— Князь... позвольте мне остаться здесь на ночь...

Тонкая рука вытянулась из-под полога и ухватилась за рукав Лю Юя.

Лицо Лю Юя мгновенно помрачнело.

— Пока не убирайте. Вынесите её, — он с отвращением стряхнул руку, словно и не он только что предавался с ней страсти.

Цин-няо, опустив голову, приказала слугам завернуть женщину в одеяло и вынести её. Её

движения были полны почтения.

— Вот, твоя порция противоядия на сегодня.

Он бросил флакон. Цин-няо поймала его и, как обычно, проглотила единственную пилюлю.

— Как давно от твоей госпожи не было писем?

Лю Юй надел верхнее платье, поправил пояс и, разглаживая воротник, задал вопрос.

— В этом месяце писем ещё не было.

— Ха, всё дольше и дольше. Какая дерзость, — усмехнулся Лю Юй. — Неужели она не боится, что я перестану давать тебе противоядие?

Цин-няо не ответила, лишь низко опустила голову.

— Ладно, с тобой всё равно говорить бессмысленно. От Цин Цзе были письма?

— Позавчера пришло одно, пишет, что всё в порядке.

— В порядке? Что значит в порядке? Письма присылают с задержкой — это тоже «в порядке»? Цин Цзе не переметнулся на сторону твоей госпожи?

— Господин Цин Цзе — человек князя, он слушает только вас.

Лю Юй хмыкнул:

— Тоже верно. У Цин Цзе нет собственного мнения, он лишь исполняет приказы. Иди. С тобой скучно, то ли дело твоя госпожа.

Цин-няо поклонилась и вышла.

Лю Юй налил себе чаю. Прохладная влага коснулась горла, и он вдруг улыбнулся, глядя на лист бумаги на столе, и прошептал:

— Чжао Луинь...

Лю Юй не мог забыть день, когда встретил её впервые.

Тогда его подставил Лю Цзюй, и он, подобно загнанной крысе, бежал в свой удел. Мечты о троне рухнули, и он ночами напролёт пил в саду, пока слуга не доложил, что у ворот его ждут две девушки.

Он заинтересовался, подумав, что пить вино приятнее в компании красавиц, но увидел лишь маленькую девчонку и служанку, которая была старше её на несколько лет.

Ей было всего десять, она опустилась перед ним на колени и сказала, что хочет отомстить за род Чжао, и готова стать его пешкой.

Конечно, он знал о роде Чжао — беднягах, ставших козлами отпущения. В тот год он вместе со своим любезным братцем-императором подставил наследного принца, а позже братец свалил всю вину на род Чжао, поколениями охранявший северные границы.

Жаль было тех верных людей: они отдали всё ради страны, но погибли в дворцовых интригах.

Он хотел прогнать её — что может сделать десятилетний ребёнок?

Но свет в её глазах был таким ярким, что почти обжёг его.

Напоследок он спросил её лишь об одном: не боится ли она смерти.

Она ответила, что боится до смерти.

...

— Интересно, какое лицо будет у моего любезного братца, когда он узнает, что те, кому он доверял, пришли свергнуть его и отомстить за убийство?

— Ах... как же хочется на это посмотреть...

<http://bllate.org/book/19166/1881873>